

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ

**ЗАКОН
ПРОКЛЯТОГО**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С36

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Серийное оформление *Э.Э. Кунтыш*
Компьютерный дизайн *А. И. Смирнова*
Иллюстрация *А.С. Руденко*

Макет подготовлен редакцией (▲)

Силлов, Дмитрий Олегович.
С36 Закон проклятого / Дмитрий Силлов.— Москва :
Издательство АСТ, 2025.— 448 с.

ISBN 978-5-17-077975-8

Этот роман — подлинная история того, кого позже назовут Снайпером. Не призрачные воспоминания героя, внедренные в его мозг учеными, а его настоящая жизнь, настоящее имя и настоящая биография. История о том, как человек встал на Дорогу Проклятых, потому что это был единственный способ побеждать настоящих чудовищ.

А для того, кто вступил на эту Дорогу, есть только один закон — Закон проклятого.

Так кто же сильнее — Человек или Закон? Снайпер или его проклятие?

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Силлов Д., 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2025

*Автор выражает благодарность
Александру Прокоповичу за помощь в развитии
цикла «Снайпер», писателю Александру Мазину,
давшему роману «Закон проклятого»
путевку в жизнь,
Петру Разуваеву за ценные советы,
а также Павлу Баранникову
за помощь в создании этой книги.*

ПРОЛОГ

Где бы ты ни был, что б ты ни делал,
Между землей и небом война...

Виктор Цой

1942 год, 20 ноября, где-то в России...

Шёл снег. Большие мокрые хлопья, лениво кружась, летели к земле и, едва коснувшись пока еще теплого асфальта, расплывались лужами коричневой жидкой грязи. Не таяли они лишь на лицах мертвых солдат, смотрящих в небо остекленевшими глазами. Снег ложился на недавно живую кожу и застывал ледяной коркой, будто пытаясь сохранить, заморозить последний вздох, взгляд, шёпот, посланный в бесконечно далекую высоту.

Но в тот зимний день не только снег падал сверху на город. Там, в небе, ревели невидимые снизу самолеты, строчили пулеметы, грохотали разрывы. И оттуда, из непроглядно-серой пелены, свистя и завывая, летели к земле авиабомбы, чтобы снова и снова рвать её тело, перемаывать в кашу людей, здания, уродовать каменную плоть умирающего города.

По разбитой улице бежал солдат, зажимая дыру в разорванном бушлате. Из-под растопыренных пальцев сочилась кровь, расплываясь бурым пятном на желтом сукне. Человек спотыкался, падал, вставал и снова бежал вперед, скользя разбитыми ботинками по жирной осенней

грязи. Казалось, он не замечал ни раны, ни близких разрывов, вздымающих к небу пласты вывороченного из улицы асфальта, ни свистящих над ухом раскаленных осколков.

«Почему *оно* еще не догнало меня? — толчками билась мысль в его голове в такт готовому вырваться из груди сердцу.— Неужели потеряло след? Вряд ли... Слишком много мертвечины вокруг, наверное, её запах сбил *его* со следа? Но *оно* не отступится, *оно* уже где-то рядом... Бежать... Может, успею...»

Человек споткнулся об изуродованный труп, тяжело упал, с трудом поднялся на ноги, но успел сделать только один шаг. Прямо над его головой раздался свист, переходящий в ужасающий вой, похожий на крик смертельно раненного демона...

Раздался взрыв... И почти мгновенно черный провал поглотил сознание беглеца...

Он очнулся в тишине.

Бомбёжка укатилась куда-то на восток, напоминая о себе отдаленным грохотом разрывов. Теперь смерть гуляла там, а здесь остались лишь развалины, дымящиеся воронки и горы трупов.

Человек приподнялся на руках и попытался встать. Странно. Он совсем не чувствовал ног. Может, просто потому, что чувствовать было нечего?

На том месте, где положено быть ногам, расплескалась кровавая каша, и жирная крыса уже копалась в мёртвой, но ещё тёплой плоти.

— Врёшь... гадина! — с трудом прохрипел раненый.— Я ещё живой!

Парень закашлялся, выплюнул на разбитый асфальт кровавый сгусток. Потом стиснул зубы и из последних сил рванул суконный отворот, с корнем выдирая оставшиеся пуговицы. Полы бушлата разошлись, обнажая впающую грудь, чуть прикрытую изношенной тельняшкой, и тощий живот, в котором зияла глубокая рана, напомина-

ющая расплывшийся в жуткой ухмылке красный рот, оскаленный по краям неровной кромкой сломанных рёбер.

— Живой я... — прошептал человек. И жутко улыбнулся красными от крови губами. После чего слегка раздвинул края раны и осторожно погрузил кончики пальцев свободной руки в горячие, трепещущие внутренности.

И пришла боль.

Она вонзила свои клыки в истерзанное тело, кипящей смолой разлилась по тому, что еще недавно было ногами. Колоссальным усилием воли человек вернул ускользающее сознание, сжав зубы так сильно, что они, царапая осколками язык, стали крошиться во рту.

Он ввёл в рану пальцы до середины...

Лицо его стало белее мела, крупные капли пота выступили на лбу, зрачки расширились от избытка адреналина, заполнив неестественной для обычного человека чернотой глазные яблоки... но упрямые пальцы продолжали ковыряться в разодранном животе.

Огромная трещина с грохотом расколола разбитую взрывами дорогу. Земля начала содрогаться в конвульсиях, как будто что-то громадное и живое пыталось вырваться из-под неё.

Но солдат не обращал внимания на посторонние звуки. Его рука уже полностью была в открытой ране, шевелилась, искала что-то среди переплетения кишок... Наконец он нашел то, что искал, закусил губу осколками зубов — и резким движением вырвал руку из своего развороченного живота.

Раненый обессиленно откинулся назад, слабо улыбнулся бледными губами и медленно разжал руку. На его ладони, масляно переливаясь измазанными кровью драгоценными камнями, лежал серебряный металлический диск.

А земля неистовствовала. Уже две, три, шесть щелей раскололи асфальт, дымящийся от свежей, обильно проли-

той крови. Казалось, будто кто-то громадный и чудовищно сильный бьется под землей, пытаясь выбраться наружу. Улица вспучивалась, скидывая с себя развалины зданий, покрывалась новыми трещинами — и опадала, чтобы через мгновение содрогнуться от еще более мощного удара.

Взгляд солдата медленно затягивался чёрной пеленой смерти, но обескровленные белые губы упрямо шептали на древнем языке слова то ли молитвы, то ли проклятия...

— *Si metu coactus, adii hereditatem...* — и трещины увеличивались в размерах, поглощая искореженные танки, трупы людей, обугленные скелеты деревьев. — *Puto me heredem, quia quamvis si liberum...* — и нечеловеческий рёв ужасного, но, безусловно, живого существа, рвущегося из недр обожженной войной планеты, заложил уши и заставил сердце замереть на секунду. — *Esset, noluissem, tamen coactus volui!* — выкрикнул солдат — и засмеялся. Он сделал то, что хотел. И ему больше не было страшно. Он успел...

Яркая вспышка неестественно яркого света разорвала воздух... и воцарилась мёртвая, всеобъемлющая тишина...

Крепкий мужик лет сорока, в ватнике и с автоматом ППШ, заброшенным за спину, подбежал к умирающему:

— Ваня, господи, да как же это... Счас, браток, погоди, не шевелись. Счас сестричку позовем, усё будет хорошо, починят тебя, залатают...

Солдат с трудом открыл глаза и протянул мужику окровавленный амулет.

— Минаич... Передай внуку... — прошептал он.

— Какому внуку, Вань? Нету же у тебя никакого внука, сам же говорил, только сынок-малец. А у меня так вообще никого родных нету... Чьему внуку передать-то?..

Но солдат уже ничего не слышал. Его остановившийся взгляд был устремлен в низкое серое небо, похожее на надгробную плиту, которая вот-вот накроет землю... И тоненький, слабый солнечный лучик, случайно пробившийся сквозь свинцовые тучи, метался, запутавшись в неподвижных ресницах мертвеца.

Книга первая

ЗАКОН ВОИНА

И если, вынужденный угрозой, я принял наследство, то полагаю, что я стал наследником. Но если бы я был свободен в своем выборе, я бы не пожелал становиться им. Однако, хотя и вынужденный, но я всё же пожелал.

Римское частное право

Он лежал в грузовике, бешено несущемся по раздолбанной дороге, а любопытные звезды сверху заглядывали в дыры брезентового тента, растянутого над кузовом.

Его рука билась о что-то мягкое. С усилием приподняв ее, он ощупал посторонний предмет.

Чье-то лицо... То ли разбитое в кровь, то ли полусгнившее, в темноте не разобрать, тент был застегнут наглухо. Темнота плавала перед его глазами, словно густой черный кисель. Так бывает после хорошей драки, когда схватишь прямой в подбородок, а потом не помнишь, что было дальше. Либо после отравления чем-то очень поганим...

Снаружи бледное солнце понемногу затмевало своими лучами звезды. Правда, все равно света было пока недостаточно для того, чтобы подробно рассмотреть окружающую обстановку. Хотя чего ее рассматривать? Лежишь себе, тебя везут куда-то, рядом труп или несколько трупов. Существенная ли разница, один мертвец рядом с тобой или несколько?

Внезапно грузовик дернулся, словно животное, попавшее в ловушку. Снаружи прострекотала очередь, дырок в

баху огрести — так мы косим даже во сне? Нет уж, душок, получи заслуженное!

Второй удар был направлен точно в живот. Так бьют футбольный мяч, снизу вверх, чтоб на носок пришлась основная сила, от которой мячик летит высоко-высоко, прямо к черному, звездному небу из сна, ключья которого все еще слабо колыхались там, под потолком, рядом с электрическими лампочками.

Когда ты еще не до конца проснулся, случается, что некоторые движения происходят рефлекторно. Вот и сейчас он чисто на рефлексе слегка отклонился в сторону. При этом сапог дембеля ударил левее, под мышку...

Он и сам не понял как так получилось, что нога в сапоге оказалась плотно зафиксированной между рукой и телом. И, наверно, от неожиданности, а может, по инерции от удара, он резко отклонился назад.

Хрясь!

Отъевшаяся на ворованных с кухни харчах морда дембеля с размаху впечаталась в стальной край койки второго яруса. После чего, не удержавшись на одной ноге, дембель как подкошенный рухнул на пол, заботливо покрытый «духами» в прошлом месяце защитной краской. На темно-оливковую зелень досок обильно плеснуло красным из расквашенного носа.

— Т-ты!!! Урод грёбаный!!! — прохрипел дембель, тяжело поднимаясь с пола и утирая нос рукавом нового хэбэ, только вчера выменянного у каптерщика на ящик тушенки. — Писец тебе, душара! Мыль веревку, падла воноющая!

* * *

У него было простое имя — Иван. Изначально, с рождения... Потом у него было много имён. Вначале — глупые и обидные прозвища в школе, так как дети не любят тех, кто держится особняком, не желая пакостить учителям или

вместе с одноклассниками мучить пойманную кошку. Поэтому сверстники мстили — когда подло и исподтишка, а когда набросив на голову пальто и навалившись кучей и молотя в два десятка маленьких, детских, злых кулачков. Дети жестокий народ. Впрочем, когда они вырастают, мало что меняется.

Потом была армия, в которой для молодых солдат, кроме «дух» и «урод», других имён не существует. А вот если «дух» и «урод» ещё и подчеркнуто избегает общества сослуживцев, так как не курит, не пьет дешевую водку и не любит воровать без особой надобности, — вот тогда ему приходится уж совсем туго.

Его били. Его били утром, днём, вечером и ночью. За то, что плохо вымыл пол, за то, что не выпросил у гражданских, работающих в полку, пару сигарет для «дедушки», за то, что слабее, за то, что родился в центре Москвы, а не в сотне километров от Кольца, и просто так, оттого что можно ударить безнаказанно. Его били всегда толпой, так как один на один делать это было опасно. Не потому, что он умел драться. Просто порой случалось так, что тот, кто пытался избить его, сам неловко оступался и падал, причем сильно и больно... Однажды его били особенно жестоко, и здоровенный дембель сломал ему руку. Провалившись в госпитале несколько месяцев, он вернулся в часть. И всё началось сначала.

Он терпел. И медленно сходил с ума. Он почти разучился говорить. Да здесь этого и не требовалось. Достаточно было вовремя буркнуть «Есть!» или «Так точно!», приложить руку к потертой пилотке — и к солдату не было бы никаких претензий. Но часто слишком болело избитое тело, отказывался нормально работать измученный бессонными ночами мозг и голодные спазмы постоянно терзали желудок, заворачивая его в тугую, ноющую спираль. И потому двигался и соображал он медленнее своих сослуживцев, получая львиную долю пинков и зуботычин. Он не умел заводить друзей на кухне, не умел вти-

раться в доверие к офицерам, не умел и не хотел учиться выживать в болоте животной силы и животного страха, который называется человеческим обществом.

Правда, на втором году службы в тёмном царстве муштры и дедовщины появилось светлое окно.

По воскресеньям в части крутили кино. И вот там, в провонявшем потом, плесенью и дохлыми крысами клубе, на потрескавшемся от старости экране он как то увидел парня, который всеми частями мускулистого тела разбрасывал в стороны многочисленные шайки всяких разных хулиганов. Он видел все это и раньше, в той, другой, гражданской жизни, правда, тогда все это не имело для него ни малейшего значения. Но вдруг именно здесь, именно сейчас, под свист ног маленького экранного героя, внезапно родилась вполне серьезная цель: не надеясь на случайность, любой ценой научиться отвечать ударом на удар, стать сильнее, ибо в любой примитивной стае острые зубы ценятся гораздо выше самого изощренного ума. Во всяком случае, применяют их намного чаще.

И начались отжимания на кулаках после отбоя уже не ради увеселения «дедушек», а ради той самой великой цели. Рядом с ним во время этих импровизированных тренировок всегда стоял пузырек с нашатырным спиртом на случай потери сознания от истощения, бессонных ночей и полученных накануне побоев. Он вешал на стену лист бумаги и колотил по стене до тех пор, пока бумага не пропитается кровью из разбитых кулаков. Он зажмурился глазами и, стоя по ночам на тумбочке дневального, медленно пилил тупым штык-ножом собственную руку. Ему зачем-то это было нужно. Может быть, он сходил с ума. А может быть, через боль ему открывалось что-то неподвластное пониманию храпящих на койках здоровенных от природы парней, родившихся (по их разумению) именно там, где рождаются настоящие люди — за сотню и далее километров от притягательного и ненавистного Кольца.